

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ**

Н.Н. Никс

**“ВЕЛИК И БЛАГОРОДЕН ТРУД
ПРОФЕССОРА”**

(Жизнь и деятельность московской
профессуры второй половины XIX —
начала XX вв.)

Препринт WP6/2004/01

Серия WP6

Гуманитарные исследования ИГИТИ

Москва
ГУ ВШЭ
2004

Никс Н.Н. “*Велик и благороден труд профессора*” (Жизнь и деятельность Н64 московской профессуры второй половины XIX — начала XX вв.). Препринт WP6/2004/01 — М.: ГУ ВШЭ, 2004. — 40 с.

В работе рассматриваются проблемы научно-педагогической и общественно-культурной деятельности московской профессуры, составлявшей интеллектуальную элиту отечественной интеллигенции. Центральное внимание уделено изучению психологических механизмов научно-педагогического творчества, системе ценностей и особенностей повседневной жизни профессоров.

Работа основана на широком круге источников, включая документы личного происхождения — эпистолярные источники, дневники, мемуарную литературу, отражающие процесс становления самосознания личности. Автор представляет коллективный портрет московских профессоров, которые наряду с представителями творческой интеллигенции и общественными деятелями играли важную роль в формировании нового типа личности, новой системы ценностей и новых культурных связей модернизирующегося российского общества.

УДК 378-051
ББК 74.58

Niks N. “*The mission of professor is greate and noble*” (Life and work of Moscow professors in the second part of the XIX — beginning of the XX century). Working paper WP6/2004/01 — Moscow: State University — Higher School of Economics, 2004. — 40 p. (in Russian).

This article is devoted to the research of scientific, pedagogical, social-cultural activities and everyday life of Moscow professors as a groupe of industrial society in the second part of the XIX — beginning of the XX century. The work applies “new social history” techniques and is based on personal documents: memoirs, letters and diaries. The analysis of quantitative parameters, social and national structure, economic and family status testifies that this social groupe was intellectual and social leader, assisting the process of emergence of a modern personality, new system of social communications and industrial civilization in modernized Russian society.

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте:
<http://www.hse.ru/science/preprint/>

© Никс Н.Н., 2004
© Оформление. ГУ ВШЭ, 2004

В период поиска путей и перспектив развития высшей школы представляется целесообразным обратиться к традициям отечественного высшего образования, в частности к вопросу о роли профессуры в условиях модернизирующегося российского общества. Буржуазные реформы середины XIX в. способствовали углублению интеграционных процессов в обществе, что приводило к расширению культурного пространства. Атмосфера первых пореформенных десятилетий, либеральный общественный подъем благоприятствовали “необычайным успехам умственного движения” (К.А. Тимирязев). В эти годы особенно вырос авторитет отечественной науки и “ученого сословия” — профессоров, составлявших наиболее активную часть интеллектуальной элиты страны. Крупные научные школы получили не только общероссийское, но и мировое признание: в России проводились международные научные съезды, русские ученые избирались почетными членами европейских академий и научных обществ. Особое место в этом принадлежало Москве — крупнейшему научному и культурному центру страны. Во второй половине XIX столетия в московских вузах и прежде всего в Московском университете создаются известные научные школы: в физике появляется знаменитая на весь мир школа А.Г. Столетова, в химии — В.В. Марковникова, в зоологии и антропологии — А.П. Богданова, в литературоведении — школы Ф.И. Буслаева и Н.С. Тихонравова, в языкознании и лингвистике — Ф.Е. Корша, В.Ф. Миллера и Ф.Ф. Фортунатова, в исторической науке — С.М. Соловьева, П.Г. Виноградова, В.О. Ключевского.

Стремительный взлет, совершенный отечественной наукой во второй половине XIX в., является особенно значимым в связи с тем, что русская наука не имела длительной исторической традиции, как, например, в Европе, а отечественная профессура, зародившаяся только в конце XVIII — начале XIX вв., оформилась в особую социальную общность лишь к середине позапрошлого столетия. Однако несмотря на сравнительно позднее социально-правовое оформление профессуры, ее роль в развитии отечественной культуры была чрезвычайно велика и включала в себя широкий спектр не только научно-педагогических, но и общественно-культурных и просветительских начинаний. Всероссийские съезды ученых-естествоиспытателей, врачей, археологов, юристов стали не только новой формой научной жизни, но и определенной социальной практикой коллективного обсуждения актуальных вопросов науки и жизни. Отечественная

профессура, наряду с крупнейшими деятелями литературы и искусства, стояла у истоков формирования нового типа личности и новых культурных связей, способствовала актуализации в русском обществе идей свободы индивида и творчества, правового сознания и нравственной ответственности.

Говорить о существовании прочной историографической традиции в изучении интеллигенции высшей школы как малой социальной группы буржуазного общества достаточно сложно. В советской историографии этой проблеме уделялось крайне мало внимания. Профессорская интеллигенция изучалась преимущественно или в социологическом ключе, или в контексте истории развития науки. Социальные характеристики профессуры заняли центральное место в монографиях В.Р. Лейкиной-Свирской, Г.И. Щетининой, Р.Г. Эймонтовой, А.Е. Иванова¹. В работах этих исследователей собран большой фактический материал по численности, социальному и национальному составу российской профессуры, проблемам формирования профессорско-преподавательского корпуса и той роли, которую он играл в условиях общественно-политической жизни России.

Отличительной особенностью современного историографического этапа является то, что исследователи стремятся изучать проблему развития высшей школы в России с позиций историко-культурного подхода. В первую очередь это касается работ, посвященных истории российских университетов². Однако по истории профессуры второй половине XIX — начала XX столетия работ пока нет.

Цель данного исследования состоит в конструировании социального портрета и повседневной жизни московской профессуры — части российской интеллигенции как группы буржуазного общества. Используемые в работе социоструктурный и социокультурный подходы, ориентированные на изучение малых социальных групп, позволяют выявить существенные социальные признаки данной группы (численность, правовое и материальное положение, возрастной и национальный состав), ее удельный вес среди интеллигенции высшей школы России в целом и определить ту роль, которую она играла в формировании новой системы общественных связей в условиях модернизации второй половины XIX в.

¹ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971; Русская интеллигенция 1900—1917. М., 1981; Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976; Идеинная жизнь русской интеллигенции. М., 1995; Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985; Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX вв. М., 1991.

² Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 2000; Университет для России. Взгляд на историю русской культуры XVIII века. М., 1997; Аврус А.И. История Российских университетов. М., 1998.

Изучение вопросов, связанных с социокультурной характеристикой московской профессуры, проведено на основе обширной мемуарной литературы, эпистолярных источников и дневников 70 профессоров Москвы (см. Приложение). Используемый при работе с источниками метод ретроспективного анкетирования позволил определить личностно и социальнозначимые ценности, доминирующую в данной группе социальную мотивацию поведения и иерархию основных форм деятельности.

Социальный портрет

Профессора высшей школы среди российской интеллигенции составляли особую группу, отличавшуюся от прочих образованием, родом деятельности, положением в обществе. Во второй половине XIX в. в условиях модернизации страны произошли существенные изменения в ее социальном облике, численности, материальном и общественном положении. Вместе с тем правовой статус профессорской интеллигенции оставался прежним и регламентировался в соответствии с общероссийским законодательством и университетским уставом. Еще со времени введения устава 1804 г. за каждым ученым закреплялся определенный класс в Табели о рангах. Согласно этому документу, профессура занимала соответствующую нишу в общей чиновной иерархии: ректора вузов имели чин действительного статского советника, что соответствовало IV классу, ординарный и экстраординарный профессор — статского (V класс) и коллежского (VI класс) советников соответственно, которые давали право на потомственное дворянство.

Определить численность московских профессоров довольно сложно. Во-первых, имеющиеся статистические данные рассредоточены в документации тех министерств и ведомств, которым были подотчетны учебные заведения (Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел, Министерства торговли и промышленности, Министерства земледелия и государственных имуществ и т.д.). Во-вторых, многие профессора одновременно работали в нескольких учебных заведениях. Более того, штат некоторых негосударственных учебных заведений, как, например, Московских высших женских курсов, почти полностью состоял из профессоров университета.

Но в любом случае московская профессура определенно представляла собой численно небольшую группу. По переписи Москвы 1902 г. общее число жителей составило около 1,6 млн. человек, из них чуть более 20 тыс. лица интеллигентских профессий: педагоги, ученые, литераторы, люди

искусства³. Среди последних число профессоров составило около 200 человек, т. е. порядка 1% всей московской интеллигенции⁴.

Однако при этом, по замечаниям ряда исследователей, изучающих проблемы развития высшего образования в России, Москва была “пропитана” ученым духом, в ней сам ритм жизни был соразмерен научной деятельности⁵. Этого не было в столице и других университетских городах, и важнейшую роль здесь играл Московский университет, являвшийся центром научной жизни страны. В Московском университете больше, чем в других российских университетах защищалось диссертаций и присваивалось докторских и магистерских степеней: в 1854 г. — 19,4%, в 1874 г. — 24,7, в 1898 — 32,7, в 1901 г. — 39,3% от общего числа присвоенных степеней по университетам⁶.

Далее мы будем оперировать в основном данными о профессуре четырех московских высших учебных заведений, находившихся в ведении Министерства народного просвещения (см. табл. 1).

Таблица 1. Численность профессоров Москвы второй половины XIX — начала XX вв. (по основным высшим учебным заведениям Министерства народного просвещения, с учетом совместителей)

Учебные заведения	1852/53	1874/75	1890/91	1901/02	1916/17
Московский университет	37	48	81	99	97
Императорское техническое училище	12	11	9	18	20
Лазаревский институт восточных языков	3	6	10	12	7
Лицей в память цесаревича Николая	—	н. д.	9	4	9
Итого	52	65	109	133	133

Источники: Извлечения из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1852/53, 1862/63, 1874/75, 1884/85, 1900/01 уч. годы. (Справочная ведомость о наличном составе штатных и сверхштатных преподавателей); Список лиц, служащих по министерству народного просвещения, за 1916 г.; Формулярные списки преподавателей Лазаревского института восточных языков. ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 1. № 263, № 1176, № 1816.

В социальном плане московская профессура представляла весьма неоднородную группу (табл. 2). По данным таблицы видно, что за шестьдесят с лишним лет процент дворян в московских вузах практически не изменился — чуть более 1/3 от общего числа профессоров. Это обстоятельство

можно объяснить изменением представления общества о роли науки и интеллектуальной элиты, “ученого сословия” в социальной, культурной и общественной жизни. Была и более прагматичная причина, по которой отдельные представители дворянства вставали на путь ученой карьеры: процессы модернизации общества привели к тому, что некоторые выходцы из дворянских семей, нуждаясь в средствах к жизни или следуя призванию, приобретали интеллигентные профессии. Этому способствовало также успешное развитие отечественной науки и признание русских ученых за границей, что, безусловно, поддерживало престиж научно-преподавательской деятельности среди всех слоев общества, в том числе и дворян.

Таблица 2. Социальный состав профессоров московских высших учебных заведений

Сословия	Численность, чел.			Структура, %		
	1853	1902	1916	1853	1902	1916
Из дворян	18	53	44	34,6	42,2	34,5
Из духовного звания	14	13	10	27,0	10,4	7,8
Из почетных граждан и купцов	1	14	22	1,9	11,2	17,1
Из мещан	3	11	16	5,7	8,8	12,5
Дети чиновников	2	3	16	3,8	2,4	12,5
Дети обер-офицеров	5	21	8	9,7	16,9	6,2
Иностранцы	6	7	2	11,5	5,7	1,6
Прочие	3	3	10	5,8	2,4	7,8
Итого	52	125	128	100,0	100,0	100,0

Источники: Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения, за 1853 г. Спб., 1854; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения, за 1902 г. Спб., 1903; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения, за 1916 г. Спб., 1917.

Нужно отметить, что среди профессоров-дворян большая часть принадлежала к средне- и мелкопоместному дворянству, в наибольшей степени испытывавшему экономические трудности в связи с быстрым развитием буржуазных отношений. В отечественной науке есть немало имен профессоров-дворян, избравших научную деятельность в качестве приоритетной жизненной цели, в наибольшей степени отвечавшей их интеллектуальным и духовным запросам. Из среды российского дворянства вышли Б.Н. Чичерин, С.В. Ешевский, Д.Н. Анучин, Н.Е. Жуковский, В.В. Марковников, В.И. Вернадский, П.Н. Виноградов, А.Ф. и Ф.Ф. Фортунатовы и др. Большинство из них принадлежало к мелкопоместному и беспоместному дворянству, и лишь немногие профессора-дворяне владели крупной земельной собственностью или недвижимостью (см. ниже).

³ Перепись Москвы 1902 г. Часть 1. Население. Вып. 2. М., 1902. С. 6—7.

⁴ Список лиц, служащих по ведомству министерства народного просвещения на 1902 г.

⁵ Университет для России / Ред. Хорошилова Л.Б., Пономарева В.В. М., 2000. С. 17—20

⁶ “Извлечения из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения” за соответствующие годы.

Изменения в социальной структуре российского общества, проявившиеся в постепенном размывании сословных границ, привели к тому, что профессорский корпус Москвы заметно пополнился выходцами из мещан, купцов, семей мелких чиновников и офицеров. За шестьдесят с небольшим лет их доля выросла более чем в два раза, с 21 до 48,3%. Получая профессорское звание, человек приобретал новое положение в обществе, во многих случаях отрывался от породившей его социальной среды, и в этом случае его социальное положение не совпадало с происхождением. Получив ученую степень, сын мещанина или крестьянина поднимался на более высокую ступень общественной иерархии, переходил в привилегированную часть общества. Таким образом, профессорская интеллигенция самим фактом своего существования выходила за рамки традиционной сословной структуры общества и нарушала замкнутость сословного деления.

Что касается вероисповедания, то профессорский корпус московской высшей школы рекрутировался главным образом из православных по своей религиозной принадлежности и в большинстве своем русских по национальности (табл. 3). При этом доля профессоров лютеранско-католического вероисповедания устойчиво сокращалась. Объясняется это в первую очередь тем, что в середине XIX в. среди профессоров Москвы был еще сравнительно высокий процент иностранных преподавателей из зарубежных университетов (около 27%), традиция приглашения которых на российские кафедры берет свое начало со второй половины XVIII в., когда собственных научных кадров в России еще не было.

По мере развития высшего образования и становления собственных научных школ и направлений потребность в иностранных преподавателях существенно сократилась, и в начале XX в. в рассматриваемых московских вузах православные составляли около 90% всех преподавателей. В целом по России удельный вес православных профессоров был не-

Таблица 3. Вероисповедание профессоров московских высших учебных заведений

Вероисповедание	Численность, чел.			Структура, %		
	1853	1902	1916	1853	1902	1916
Православные	36	107	111	69,3	85,6	86,8
Лютеране	9	11	9	17,4	8,8	7,0
Католики	5	3	6	9,6	2,4	4,6
Прочие	2	4	2	3,8	3,2	1,6
Итого	52	125	128	100,0	100,0	100,0

Источники: Списки лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения, за соответствующие годы.

сколько ниже⁷, что объяснялось наличием большого числа преподавателей-католиков и лютеран в Юрьевском, Варшавском и Санкт-Петербургском университетах.

Анализ возрастного состава профессоров и преподавателей государственной высшей школы Москвы свидетельствует о том, что наибольшее число составляли преподаватели в возрасте от 40 до 60 лет — около 70%. Причем на протяжении второй половины XIX — начала XX вв. наблюдается устойчивая тенденция дальнейшего “постарения” профессорского состава Москвы: в начале XX в. заметно увеличивается число профессоров старше шестидесяти лет (табл. 4).

Таблица 4. Возрастной состав профессоров московских высших учебных заведений

Возраст	Численность, чел.			Структура, %		
	1853	1902	1916	1853	1902	1916
До 40 лет	17	16	5	32,7	12,8	3,9
40—49 лет	22	38	50	42,4	30,4	39,0
50—59 лет	12	50	40	23,0	40,0	31,2
60—69 лет	1	17	27	1,9	13,6	21,2
Свыше 70 лет	—	4	6	—	3,2	4,7
Итого	52	125	128	100,0	100,0	100,0

Источники: Списки лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения, за соответствующие годы.

За весь исследуемый период незначительным сохранялся процент молодых преподавателей (в возрасте до 40 лет), причем за полтора десятилетия XX в. их число сократилось более чем в три раза: с 16 человек в 1902 г. до 5 человек в 1916 г. Это в первую очередь объяснялось крайне недостаточным материальным обеспечением, особенно обострившимся в условиях революции и Первой мировой войны. Кроме того, активизация общественно-политической жизни приводила к тому, что оппозиционно настроенные молодые преподаватели покидали научное поприще и целиком посвящали себя общественной деятельности, как, например, П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, С.А. Муромцев и др.

Подавляющее большинство профессоров были только чиновниками, поскольку не имели приносящей дохода недвижимости (имения, доход-

⁷ По подсчетам Г.И. Щетининой в начале XX в. из 532 преподавателей российских университетов 82% были православные, 16% — лютеране и католики, около 2% принадлежали к иным конфессиям. См.: Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976. С. 183.

Таблица 5. Имущественное положение профессоров московских высших учебных заведений

Собственность	Численность, чел.			Структура, %		
	1853	1902	1916	1853	1902	1916
Имение (благотворительное, родовое)	18	17	9	34,6	13,6	7,0
Иная собственность	2	9	8	3,8	7,2	6,3
Не имели собственности	32	99	111	61,6	79,2	86,7
Итого	52	125	128	100,0	100,0	100,0

Источники: Списки лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения, за соответствующие годы.

ные дома, промышленные предприятия). По данным на 1853 г. более половины (61,5%) всех профессоров Москвы не имели никакой собственности (табл. 5), и жизненные блага основной массе профессоров доставлял только педагогический труд, оценка которого властью, выраженная в установленном законом заработной плате, их абсолютно не устраивала.

В целом в конце XIX — начале XX вв. вопрос о справедливой оплате труда профессоров и преподавателей приобрел общественное звучание и стал частью требований глубокой реформы высшей школы. Речь шла не только о недостаточности средств, отпускаемых на оплату научно-педагогической деятельности, но и о явной недооценке властью высокого значения профессорской деятельности.

Крайне стесненные материальные условия жизни было одной из причин того, что многие профессора и преподаватели, особенно молодые, не могли себе позволить иметь семью и детей. На протяжении второй половины XIX в. около трети всех профессоров были одиночками (табл. 6).

Таблица 6. Семейное положение профессоров московских высших учебных заведений

Семейное положение	Численность, чел.			Структура, %		
	1853	1902	1916	1853	1902	1916
Семейные	38	92	108	73,0	73,6	84,3
Из них имели детей	30	75	82	57,7	60,0	64,0
Одинокие	14	33	20	27	26,4	15,7
Итого	52	125	128	100,0	100,0	100,0

Источники: Списки лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения, за соответствующие годы.

К началу XX в. ситуация несколько изменилась и число одиноких сократилось до 15%, но все же дети были далеко не у всех: лишь чуть более 60% всех семейных преподавателей имели детей.

Немаловажную роль играло и то, что многие профессора были столь страстно увлечены научной и преподавательской деятельностью, которая для некоторых из них была главным делом жизни, что вопросы создания семьи и рождения детей естественно отходили на второй план и в ряде случаев так и не реализовывались. И все же в целом для многих из семейных профессоров семья была одной из значимых сторон жизни. Известны случаи многодетных профессорских семей с четырьмя и более детьми. Главным образом эти профессора либо были выходцами из духовного звания, с устойчивыми православными традициями воспитания, либо принадлежали к более или менее обеспеченному мелкопоместному дворянству или купечеству.

Так, ректор университета М.К. Любавский, будучи сыном священнослужителя, имел шестерых детей, профессор богословия Н.И. Боголюбовский — семерых, профессор всеобщей словесности и также сын священнослужителя в четвертом поколении Е.В. Амфитеатов — шестерых, дворяне-профессора А.П. Гавриленко и В.В. Марковников соответственно шестерых и восьмерых детей. Содержание столь большого семейства требовало значительных расходов, а жалованья хватало далеко не всегда, поэтому в ряде случаев профессора были вынуждены обращаться за помощью к администрации в улучшении материального положения. Нужно заметить, что, как правило, это была крайняя мера, и решиться на такой шаг было для профессоров весьма унижительно. Многие из них предпочитали изыскивать дополнительные источники существования в виде обширной литературной деятельности, преподавания в нескольких учебных заведениях.

Итак, во второй половине XIX в. Москва продолжала сохранять за собой значение крупнейшего научного центра страны. Несмотря на постоянно увеличивающееся число вузов (только университетов в России в начале XX столетия насчитывалось десять), в Москве по-прежнему были сосредоточены лучшие научно-педагогические силы страны. Особая заслуга в сохранении лучших традиций подготовки кадров для науки и высшей школы принадлежала старейшему вузу страны — Московскому университету, в котором было сосредоточено до 80% всего профессорского корпуса Москвы. В социальном плане московская профессура составляла единую группу, объединенную выполняемой ею общественной функцией. Группа эта имела ряд общих признаков, пользовалась юридически установленными правами и обязанностями. Не случайно современники воспринимали ее как особое, “ученое сословие”.

Воспитание и образование

Подавляющее большинство источников свидетельствуют о том, что потребность в интеллектуальной деятельности у будущих профессоров формировалась под непосредственным влиянием семьи. Большинство авторов — 41 из 70 — родились в дворянских семьях с устойчивыми традициями воспитания, что сыграло значительную роль при выборе характера будущей деятельности. Вместе с тем анализ источников наглядно показал, что не только в дворянских семьях, но и в семьях духовенства, купечества, средних и мелких чиновников интерес к науке и культуре, а также потребность в получении детьми хорошего образования получали все более широкое признание.

В большой степени стремлению к научному творчеству способствовало раннее увлечение литературой: в семьях абсолютного большинства профессоров чтение книг и журналов составляло излюбленный вид досуга. Круг чтения был весьма разнообразен. В основном это были произведения русских классиков XIX в., а также философские и исторические книги. Читать будущие профессора очень любили, “проглатывали” книги (М.И. Коновалов, С.А. Муромцев), “знали чуть не наизусть творения наших великих мастеров слова” (А.Г. Столетов), читали “все без руководства и указаний” (И.М. Сеченов). Впоследствии многие профессора отмечали, что чтение в детстве большого количества книг способствовало у них развитию памяти, что в значительной степени облегчало учебу в дальнейшем.

Под влиянием родителей у будущих профессоров с детства формировались навыки работы с литературой, с раннего возраста они учились делать выписки из книг и составлять свои собственные маленькие библиотечки. К книгам относились очень бережно, дорожили ими как реликвиями, особенно если семья проживала не в столице, а в провинции, где достать хорошую книгу было достаточно трудно в первую очередь по цензурным соображениям. Поэтому домашние библиотеки, как правило, передавались из поколения в поколение в очень хорошем состоянии. Воспитание литературой имело и огромное нравственное значение. М.М. Ковалевский писал, что “чтение по вечерам отрывков из Пушкина, Гоголя и других писателей считалось наградой за доброе поведение и прилежание...”⁸

Особая роль отводилась в семьях изучению иностранных языков, причем этот процесс осуществлялся естественно, без особых усилий и указаний со стороны. Преобладающим иностранным языком был немецкий — основной язык науки XIX в. Далее шел английский и итальянский (язык искусства) и лишь затем французский — язык официального двора и салонов. Как правило, французскому языку обучались дети из

⁸ Ковалевский М.М. Мое научное и литературное скитальчество // Русская мысль, 1895. № 1. С. 61.

дворянских семей, где это было скорее старой доброй традицией, нежели потребностью времени.

Иностранному языку, так же, как и грамоте, начинали обучать в раннем детстве, и к моменту поступления в гимназии дети уже неплохо могли читать и переводить иностранные книги. В.О. Ключевский при помощи отца довольно рано научился говорить по-французски, профессор зоологии А.А. Тихомиров писал, что уже в пять лет он “бойко читал по-немецки и по-русски”⁹, профессор минералогии В.О. Ковалевский во время обучения в пансионе знал английский, французский, немецкий и польский языки, а крупнейший языковед Ф.Е. Корш в детстве сам, без учителя, выучил итальянский язык, а в студенческие годы — турецкий. Вообще личность Ф.Е. Корша в некотором смысле уникальна. Он обладал исключительными языковыми способностями при том, что в детстве дважды перенес тяжелую болезнь головного мозга, которая, как правило, заканчивалась слабоумием. Тем не менее это не помешало ему довольно рано научиться читать (“по вывескам и заглавиям”), а в гимназические годы серьезно заняться изучением языков. Ф.Е. Корш был полиглотом; помимо европейских языков он знал многие древние языки, включая санскрит, арабский, персидский, турецкий. В.О. Ключевский любил повторять, что Корш “был главным секретарем при вавилонском столпотворении”¹⁰.

Нетрудно заметить, что будущие профессора уже в детстве обнаруживали яркие способности и стремление к интеллектуальной деятельности. Опираясь на современные исследования в области психологии одаренности, можно говорить о том, что абсолютное большинство профессоров Москвы принадлежали к категории одаренных и талантливых людей.

Однако блестящие природные способности были отнюдь не единственным побудительным мотивом к интеллектуальной деятельности. В небольшой степени этому способствовали годы учебы в гимназиях и училищах. Ф.И. Буслаев вспоминал, что школьное обучение “пробудило во мне любовь к науке, которая потом навсегда сделалась предметом и целью всей моей жизни”¹¹. Помимо получения знаний, необходимых для поступления в университет, средние учебные заведения предоставляли детям возможность развития коммуникативных качеств. В этом смысле значение школы, как первой ступени в процессе социализации личности, было очень велико. Вне привычной домашней обстановки, в кругу сверстников и учителей, с разными характерами, привычками, общим уровнем культу-

⁹ Тихомиров А.А. Воспоминания ученого // Светоч и дневник писателя. 1913. № 11. С. 48.

¹⁰ Там же.

¹¹ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 85—86.

ры и образованности, разными требованиями, будущие профессора быстро выросли и становились самостоятельными.

Большинство авторов пишут о гимназических годах с признательностью и теплотой. Как правило, в гимназиях будущие профессора учились на “отлично” и пользовались заслуженным уважением преподавателей и авторитетом у одноклассников. С.М. Соловьев, поступив после духовного училища в гимназию, писал, что в течение всех пяти лет он был “первым учеником, любимцем учителей, красой гимназии”¹². Другой выдающийся русский историк, ученик С.М. Соловьева — В.О. Ключевский — во время обучения в духовной семинарии также проявлял блестящие способности. По словам его близкого друга и коллеги профессора М.К. Любавского, “он не на голову, а на три головы стоял выше прочих семинаристов и был предметом удивления товарищей... Начальство лелеяло Ключевского и при строгости тогдашних порядков спускало ему многое такое, что на других навлекало серьезные наказания”¹³.

Не меньшее значение, нежели приобретение необходимых знаний, играл фактор межличностного общения со сверстниками. В школьные годы у юных учеников проявлялись те черты характера, которые станут определяющими в дальнейшей жизни профессоров. Это в первую очередь честность, открытость, дружелюбие, готовность помочь нуждающемуся, целеустремленность, умение видеть и ценить в людях положительные качества. В источниках есть указания на то, что многие из будущих профессоров пользовались колоссальным авторитетом у товарищей не столько за их интеллектуальные способности и учебные успехи, сколько за человеческие качества.

Так, например, вокруг М.И. Коновалова (будущий профессор химии Московского сельскохозяйственного института, ученик В.В. Марковникова) в гимназии сплотился кружок товарищей, у него готовились уроки, к нему обращались за разъяснением трудных вопросов. На них он имел огромное нравственное влияние, “наставляя на правильный путь колеблющиеся характеры и сдерживая проявления дурных наклонностей, часто сопровождающих переходный возраст. Сам он был серьезен до педантизма и, ведя строго нравственную жизнь, служил примером и сдерживал других”¹⁴. Более того, авторитет Михаила Ивановича признавался и начальством: инспектор и учителя нередко называли его по имени-отчеству, что, естественно, являлось в то время большой редкостью.

Поступление в университет в жизни молодых людей было началом нового, очень важного этапа. Многие профессора оценивали этот момент сво-

¹² Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Пг., 1915. С.34.

¹³ Ключевский В.О. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С.6.

¹⁴ Памяти М.И. Коновалова. М., 1908. С. 11.

ей жизни как глубочайший психологический перелом. “Великий жизненный перевал”, — так писал о поступлении в университет Ф.И. Буслаев¹⁵. “Никогда я не забуду то утро в сентябре 1876 г., когда я в первый раз шел в университет и считал, что все встречные должны мне завидовать, потому что я студент Московского университета, и я не ошибался”, — вспоминал И.А. Каблуков¹⁶. О времени своего обучения в университете профессора всегда вспоминали с “восторгом” (Н.С. Тихонравов), с “теплотой и благодарностью” (Б.Н. Чичерин), с “сердечным участием” (И.М. Снегирев).

Студенческая жизнь многих профессоров пришлось на пореформенные годы. Атмосфера, царившая в университете в 1860-е — 1870-е гг., способствовала укреплению связей между профессорами и студентами. Устав 1864 г. существенно расширял деятельность научных и студенческих обществ, снимал излишний контроль со стороны властей за внутренней жизнью университета и позволял студентам чувствовать себя в его стенах “хорошо и привольно”¹⁷. Отношения между воспитанниками и преподавателями носили дружеский, семейный характер: не было учителей и учеников, разделенных сословными перегородками, всех объединяло увлечение мыслью, поиском научной истины. Университет был пронизан дружескими обществами, а регулярные встречи у профессоров дома (так называемые “среды”, “пятницы” или “субботы”) были неотъемлемой частью университетской жизни. Б.Н. Чичерин, вспоминая студенческие годы, писал: “Отношения между профессорами и студентами были самые сердечные: с одной стороны, искренняя любовь и благоговейное уважение, с другой стороны, всегдашнее внимание и готовность прийти на помощь... Библиотеки профессоров всегда были открыты для студентов... Всякий молодой человек, подававший надежду, делался предметом особенного внимания и попечения”¹⁸.

Большинство авторов с первых шагов пребывания в университете заявили о себе как о талантливых студентах. Основная жизненная ориентация на интеллектуальную и морально-этическую зрелость направляла их поведение в студенческие годы. Уже в это время многих из них отличал высокий уровень самосознания, обширная эрудиция и потребность в самообразовании. Будущие профессора не ограничивались посещением лекций и семинаров только по избранной специальности, но и слушали известных профессоров на других факультетах. Так, например, И.М. Сеченов, студент

¹⁵ Буслаев Ф.И. Указ. соч. С. 1.

¹⁶ Каблуков И.А. Из воспоминаний о химии в Московском университете с семидесятих годов XIX в. // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 507—508.

¹⁷ Там же. С. 28.

¹⁸ Там же. С. 27.

медицинского факультета, с огромным удовольствием и “восхищением” слушал лекции П.Н. Кудрявцева по истории Реформации. Я.А. Борзенков, будущий профессор сравнительной анатомии, студентом посещал лекции Т.Н. Грановского, Н.И. Крылова, П.Н. Леонтьева, всегда находил время для чтения сочинений по философии, истории, литературе. Это составляло его обычный отдых. Старался пополнить пробелы своего общего образования и профессор математики Н.В. Бугаев. В студенческие годы он нередко посещал лекции П.Н. Кудрявцева и Ф.И. Буслаева.

Материальное положение многих студентов было трудным, редкие богатые дворянские семьи могли содержать своих детей на протяжении всего обучения. Подавляющая же часть студентов жила очень скромно, получая из дома незначительную помощь, а некоторые из них вынуждены были давать частные уроки, чтобы не только платить за учебу, но и помогать своей семье.

В этих непростых условиях особенно ценились в студенческой среде поддержка и взаимопомощь по самым разным вопросам. “Кто бы из товарищей... ни получил денег, — вспоминал Ф.И. Буслаев, — это событие доставляло общую радость всем нам... Мы, довольствуясь малым, были счастливы”¹⁹. “Незабвенное товарищество”²⁰ составляло важную черту студенческой жизни. Именно в эти годы завязывались те дружеские отношения, которые, по словам Б.Н. Чичерина, “составляют одну из прелестей университетской жизни и которые сохраняются навсегда, как одна из самых крепких связей между людьми”²¹. Это было возможно благодаря общности интересов, а также определенному набору психологических черт, формировавших особый тип личности “университетского человека” и ученого — честного, порядочного, готового помочь нуждающемуся, искреннего и доброжелательного.

Научная деятельность

Учитывая то, что уже в раннем возрасте многие будущие профессора обнаруживали ярко выраженную склонность к интеллектуальной деятельности, очевидным является факт, что для подавляющего большинства из них наука была едва ли не абсолютной жизненной ценностью. Большая часть всей информации в источниках личного происхождения посвящена *научной деятельности*. Занятия научным трудом рассматривались профессора-

¹⁹ Буслаев Ф.И. Указ. соч. С. 13.

²⁰ Там же. С. 314.

²¹ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 43.

ми как священная миссия, как служение, ради которого многие из них готовы были “идти на всякие беды и лишения, лишь бы можно было заниматься любимым делом, ...любимой наукой”²², готовы были “ехать на край света и употребить на это все свои усилия”²³.

В любых условиях, в любые периоды жизни, в самые тяжелые годы научная деятельность не прекращалась. Это был ежедневный, ежечасный труд: над книгами, статьями, проведение опытов и работа в архивах, музеях и научных обществах. М.С. Корелин в конце каждого месяца подводил итоги своей деятельности с занесением в записную книжку количества часов и минут, отведенных на научную и педагогическую работу в день, и очень сокрушался, если не удавалось работать более двух часов в день. Почти хрестоматийным стал беспрецедентный научный и человеческий подвиг С.М. Соловьева, который, несмотря на активную преподавательскую, общественную и административную деятельность, ежедневно на протяжении тридцати лет работал над “Историей России”, выпуская каждый год по тому. Сам он оценивал эту работу как “труд всей жизни”²⁴. Много лет спустя ученик С.М. Соловьева — Б.Н. Чичерин писал, что “жизнь Соловьева — это жизнь, посвященная мысли, труду, любимому университету., жизнь чистая, полная и ясная... Россия может им гордиться”²⁵.

В работе профессора были по-настоящему счастливы. Так, например, А.А. Кизеветтер, будучи известным общественным деятелем, вспоминал, как во время работы над магистерской диссертацией он семь лет почти ежедневно сидел в архиве с 9 часов утра до 3 часов дня, и часы этих архивных занятий всегда вспоминались ему, как “отраднейшие часы жизни”²⁶. Науке профессора стремились “посвятить всю свою жизнь, всю свою душу”²⁷. Быть причисленным к избранной кафедре еще в студенческие годы становилось заветной мечтой, а научный труд рассматривался как творчество, доставлявшее величайшее наслаждение.

Блестящие результаты, достигнутые профессорами на научном поприще, были бы невозможны без систематического, ежедневного труда, сопряженного с огромными затратами душевных и физических сил. Так, например, профессор церковной истории Московской духовной академии А.П. Лебедев в результате ежедневных многочасовых занятий очень

²² Огнев С.И. Заслуженный профессор И.Ф. Огнев. (1855—1928). На основе рукописных записок И.Ф. Огнева и личных воспоминаний. М., 1944. С. 32.

²³ Воспоминания о Н.Е. Зернове // Любимов Н.А. Мой вклад. М., 1887. Т. 2. С. 788.

²⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 141.

²⁵ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 133.

²⁶ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881—1914. М., 1997. С. 195—196.

²⁷ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 141.

рано испортил свое зрение. Были моменты, когда ему грозила опасность слепоты. И даже когда один глаз совсем перестал видеть, он продолжал работать: писал статьи и лекции, причем всегда собственноручно, читал литературные новинки. Научным подвигом можно считать пятилетний труд Ф.И. Буслаева над почти 900-страничным Русским Лицевым Апокалипсисом. Ученый начал эту работу, когда ему шел седьмой десяток, и к моменту ее завершения он практически полностью потерял зрение²⁸. О значимости этого труда свидетельствует высказывание одного из крупнейших знатоков археологии христианского Востока П. Мартинова, который отмечал, что Русский Лицевой Апокалипсис заставляет западную науку завидовать русской²⁹.

Колоссальное трудолюбие было характерной чертой подавляющего большинства профессоров, причем сами они расценивали это как само собой разумеющееся, не подлежащее сомнению. Профессора химии М.И. Коновалова — авторитетного ученого и блестящего преподавателя — коллеги и ученики называли между собой “самоэнергией” за его кипучую и неутомимую деятельность, всецело посвященную интересам науки: “...Не беда, что идет уже 14-й или 15-й час дневной работы, не беда, что отчаянный мигрень стучит ему в висок... работа и работа. Он и работа нераздельны... На вопрос о том, когда он обедает, он отвечал с присущей ему простотой: «В 7 часов утра и в 12 часов ночи. Иначе нельзя»³⁰. Профессор Ф.А. Бредихин, по мнению коллег, был “божьей милостью астроном”. Во время работы он забывал о распорядке жизни. В моменты творческого вдохновения он целыми днями мог просиживать в кабинете, забывал о пище, об отдыхе, об обязательных занятиях.

Процесс научного творчества и радость открытия новых истин не отгораживали профессоров от ученого мира, не делали их заложниками собственных успехов. Научное тщеславие, самолюбование и интеллектуальная гордыня не были присущи московским профессорам. Их отличали научная открытость и доступность, желание поделиться радостью исследовательского труда с коллегами и учениками, широкое обнародование результатов исследований. Все это составляло нравственную основу их научной деятельности. Один из учеников Н.С. Тихонравова указывал на научную щедрость своего учителя как на принципиальное свойство его личности, говорил о том, что он делился своими знаниями даже по таким вопросам, которые в данный момент интересовали его лично. “Он неред-

²⁸ Кирпичников А.И. Ф.И. Буслаев // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь... Т. 5. М., 1897. С. 310.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

ко дарил мне собственноручные копии с памятников древнерусской литературы; ...за ним никогда не водилось грешка припрятывать от чужих глаз дорогую научную вещь на случай, что она может самому пригодиться”³¹. Каждый добытый наукой новый факт или теорию незамедлительно преподносил студентам или излагал в своих научно-популярных лекциях Д.Н. Анучин.

Несмотря на все свои заслуги и известность, профессора были абсолютно равнодушны к официальным почестям и наградам и всегда о своих достижениях говорили очень скромно. М.С. Корелин об одном своем очень успешном выступлении в Историческом обществе записал в дневнике весьма скупое: “Кажется, успех; к аплодисментам равнодушен”³². Не менее скромно передает он и официальные отзывы о защите докторской диссертации: “Хорошие отзывы в газетах, много писем и телеграмм”³³. Не любил ученого щегольства и В.О. Ключевский: выдающийся историк всю жизнь считал себя учеником С.М. Соловьева. “Если бы вы знали, как я равнодушен к аплодисментам и как они мне даже противны”, — писал своим родителям Н.Я. Грот³⁴. Замыкаться на своем успехе и спокойно почить на лаврах — это было не в характере ученой интеллигенции Москвы. “Если я иногда и радуюсь увеличению своего авторитета, то только ради идей, которые я защищаю и которые мне святы”, — писал Н.Я. Грот³⁵. Он же в одном из писем родителям говорил следующее: “Вообще я убеждаюсь, что истинная наука не драпируется в тогу ученой серьезности и глубокомыслия. Эта драпировка нужна только пустоголовым, которые боятся, чтобы их не смешали с толпой”³⁶.

Успешный процесс научного творчества был невозможен без постоянного самообразования, повышения профессионального и общего интеллектуального уровня. Многие профессора, снискавшие себе известность не только в Москве и России, но и за рубежом, постоянно следили за научно-литературным движением, за новыми результатами развития избранной специальности и сразу же применяли их в своей педагогической практике. Можно даже говорить, что в среде московской профессорской интеллигенции существовал особый ритуал, по которому профессора отводили в своем рабочем расписании ежедневно полтора-два часа просмо-

³¹ Памяти Н.С. Тихонравова. М., 1894. С. 7.

³² Записки М.С. Корелина за 1889—1893 гг. ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. № 1. Л. 4.

³³ Там же.

³⁴ Н.Я. Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911. С. 39.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 36.

тру научной периодики и чтению монографий. Для некоторых это было своеобразным вариантом отдыха в вечернее время. Всю жизнь в буквальном смысле слова был окружен книгами Н.С. Тихонравов. Один из его учеников, профессор А.Н. Веселовский, вспоминал, что в его рабочем кабинете “книги отовсюду надвигались на человека, захватывая каждый свободный уголок, — словно сказочно распространяющаяся растительность в американских лесах. Тут было его настоящее царство”³⁷.

Редко кто из профессоров ограничивался чтением литературы только по своей специальности. Стремительное развитие индустрии, ускорение и усложнение социальной жизни, изменения в сознании людей требовали более широкой постановки научных вопросов, диктовали необходимость углубления связей между различными областями знания. Для профессоров конца XIX в. характерно стремление служить своими знаниями и энергией не отвлеченной науке, а запросам жизни. Среди них было гораздо меньше, по сравнению с серединой столетия, представителей “чистой” науки. В одном из своих выступлений В.О. Ключевский очень точно выразил общественно-научную позицию современного исследователя: “Ученому, работающему в той или другой научной области, нужно следить за успехами в других областях, не только смежных, но и отдаленных, этим обеспечивается надлежащая широта, ясность и жизненность его специальных выводов и положений”³⁸.

Для большинства профессоров эти слова являлись основой их научной деятельности. Профессор гистологии А.И. Бабухин всегда начинал читать свой курс со вступительной философской лекции, на которую приходили студенты не только медицинского, но и других факультетов³⁹. Не был узким специалистом и профессор минералогии В.О. Ковалевский. Помимо основной специальности, он прекрасно знал кристаллографию, петрографию, химию и геологию⁴⁰. Его палеонтологические работы очень высоко ценились европейскими учеными, а профессор Годри, один из крупнейших специалистов в этой области второй половины XIX в., говорил, что он не встречал палеонтолога, который бы стоял выше Ковалевского по развитию и широте научного кругозора⁴¹. Имели глубокие познания в философии, литературе, искусстве, праве и политике профессор всеобщей истории А.Н. Савин и профессор гистологии И.Ф. Огнев. Профессор зоологии

³⁷ Памяти Н.С. Тихонравова... С. 12.

³⁸ Ключевский В.О. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 2.

³⁹ Венгеров С.А. Указ. соч. С. 10.

⁴⁰ Письма А.О. Ковалевскому. Письмо от 19 ноября 1869 г. // Ковалевский В.О. Указ. соч. С. 306.

⁴¹ Речь и отчет, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1884 г. М., 1884. С. 272—273.

С.А. Усов и профессор филологии Ф.И. Буслаев прекрасно разбирались в искусстве и имели уникальную коллекцию книг, картин и скульптур, а С.А. Усов даже преподавал курс античного искусства в гимназии. Колоссальной эрудицией обладал и профессор конституционного права М.М. Ковалевский. По словам его ученика Б.А. Щетинина, “он так и сыпал цитатами”⁴².

Процесс самообразования не ограничивался изучением литературы. Многие профессора, приобретя широкую известность в научном мире, не стеснялись посещать интересующие их лекции своих коллег и вместе со студентами тщательно их записывать или проводить лабораторные исследования. М.И. Коновалов, если не знал ответ на какой-либо заданный студентом вопрос, нисколько не смущаясь, отвечал “не знаю”, подчеркивая при этом, что всего знать нельзя. Вместе со студентом он шел в библиотеку и восполнял пробел своих знаний. Интересный факт можно привести из жизни А.П. Богданова. В 1867 г. он, доктор зоологии и экстраординарный профессор, основатель целой школы молодых ученых, едет к профессору сравнительной анатомии Лейкарту, записывается простым слушателем и садится как студент за микроскоп в лаборатории Гессенского университета⁴³.

Преподавательская деятельность

В неразрывном единстве с научными занятиями находилась *преподавательская деятельность* московской профессуры. Большинство представителей профессуры Москвы еще в студенческие годы решили связать свою судьбу с преподавательской работой по избранной специальности. Преподавание было для многих из них неотъемлемой частью жизни, а может быть, и самим образом жизни. Один из самых увлеченных и эмоциональных профессоров — Н.Я. Грот — по этому поводу писал: “...Я был нравственно болен, ослабел и утратил бодрость духа, вследствие боязни, что моя ученая карьера будет разбита необходимостью бросить профессуру...”⁴⁴.

Важнейшей частью педагогической деятельности профессорской интеллигенции было чтение лекций. К ним готовились самым тщательным образом, стараясь донести до слушателей самые последние сведения в той или иной области научного знания. По этой причине многие профессора старались не читать дважды один и тот же курс, составляя на каждый учебный год

⁴² Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 541.

⁴³ Зограф Н.Ю. Отрадная страница из истории русской науки. А.П. Богданов // Журнал министерства народного просвещения. 1899. № 9(4). Ч. 325. С. 37.

⁴⁴ Грот Н.Я. Указ. соч. С. 45.

новый. К лекциям готовились по-разному: кто-то писал полный текст, от слова до слова (С.М. Соловьев, П.Н. Кудрявцев, А.П. Богданов, К.А. Тимирязев, А.И. Чупров и др.), другие ограничивались небольшими планами.

Помимо безусловного лекторского таланта почти всех профессоров отличала широкая эрудиция, философское осмысление научных проблем в сочетании с глубиной анализа, которые они с успехом демонстрировали на лекциях. Многие профессора были разносторонне одаренными людьми, что также привлекало к ним молодежь. В отношении со студентами большинство профессоров были очень тактичны и доброжелательны: вежливость, учтивость, иногда даже “ласковость”, искренняя заинтересованность в студентах определяли атмосферу учебных заведений. Естественно, что все это в совокупности делало профессоров невероятно притягательными личностями, которых хотелось слушать, с которыми хотелось общаться, которым хотелось подражать.

В качестве примера можно привести историко-филологический факультет, который благодаря блестящему профессорскому составу по праву считался лучшим в Московском университете на протяжении всей его дореволюционной истории. Этот факт неоднократно подчеркивался профессорами других факультетов и представителями творческой интеллигенции Москвы.

На историко-филологическом факультете, пользовавшемся заслуженной славой, на протяжении второй половины XIX столетия читали свои курсы С.М. Соловьев, П.Н. Кудрявцев, С.В. Ешевский, Н.С. Тихонравов, Ф.И. Буслаев, В.И. Герье, М.С. Корелин, В.Ф. Миллер, Ф.Ф. Фортунатов, Ф.Е. Корш, В.О. Ключевский, П.Г. Виноградов, Н.И. Стороженко, Н.Я. Грот. Их лекторский талант был разнопланов: кто-то блестяще читал обзорные, панорамные лекции, ярко представляя общую картину эпохи или явления; кому-то лучше удавалось чтение специальных курсов, требовавших углубления в предмет и анализа мельчайших деталей.

Непревзойденным мастером в этом отношении среди профессор-историков был П.Н. Кудрявцев. Его ученик, С.В. Ешевский вспоминал, что “он надолго не мог оторваться от предмета своих занятий, не мог довольствоваться одним общим очерком... Слишком близко знакомился он со всею полнотою жизни известной эпохи, и во всей полноте передавал ее слушателям”⁴⁵. Сам С.В. Ешевский унаследовал от своего учителя методику глубокого и всестороннего анализа изучаемых явлений и эпох, поэтому большинство его лекций также предназначались для чтения на спецкурсах.

Среди многих известных профессоров факультета одним из самых популярных и востребованных был профессор всеобщей истории М.С. Ко-

⁴⁵ Грот. Н.Я. Указ. соч. С. 110.

релин. Испытывая “моральное удовлетворение” от процесса преподавания, он тем не менее очень критично относился к своим педагогическим способностям. “Педагогия у меня слаба во многих отношениях, недостаточно нужных знаний, ...педагогическая деятельность идет неважно, лекции по старым конспектам читаются плохо... Две лекции не продуманы и плохо прочитаны, что повлекло за собой уменьшение студентов”, — такие записи можно увидеть на страницах его дневника⁴⁶. Поэтому на подготовку к занятиям он тратил очень много времени и сил, тщательно обдумывая и записывая все, о чем будет говорить с кафедры. Спустя некоторое время появятся другие записи, в которых он с радостью для себя сообщит, что “студенты слушают охотно и наконец-то выработалась хорошая манера читать”⁴⁷. Действительно, аудитория, где читал Корелин, всегда была заполнена слушателями. Их привлекали интересное и всегда доступное содержание его лекций, доброжелательная личность профессора и его серьезное отношение к делу.

Среди других профессоров-историков большой интерес у студентов вызывали лекции С.М. Соловьева, хотя они и не отличались особой эмоциональностью. Соловьев всегда читал сжато, по-деловому, “сухо, никогда не одушевляясь”⁴⁸, не прибегал к приемам ораторского искусства ни в студенческой аудитории, ни на публичных выступлениях. Однако это нисколько не умаляло того влияния, которое его лекции оказывали на слушателей. Так, например, В.О. Ключевский говорил о лекциях своего учителя, что “...за живое задевает его здоровая, критическая мысль, подчас не чуждая самой трезвой поэзии”⁴⁹. Профессор и ученый были нераздельно слиты в личности Соловьева. Позднее, давая оценку деятельности своего учителя, Ключевский первым отметит эту особенность и напишет, что “...чтение Соловьева... не било ни на чувство, ни на воображение, но оно заставляло размышлять. С кафедры слышался не профессор, читающий в аудитории, а ученый, размышляющий вслух в своем кабинете”⁵⁰.

Кроме того, С.М. Соловьев был известен и как самый аккуратный профессор в университете. Он не только не позволял себе пропускать лекции даже при легком недомогании или в дни каких-либо семейных праздников, но и никогда не опаздывал на лекции, всегда входил в аудиторию минута в минуту, так что студенты проверяли часы по началу его лекций. В отноше-

⁴⁶ Записки М.С. Корелина за 1889—1892 гг. ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. № 1. Л. 1в.

⁴⁷ Там же. Л. 35.

⁴⁸ П.Б. Воспоминания о С.М. Соловьеве // Русский архив. 1907. № 8. С. 553.

⁴⁹ Ключевский В.О. Московский университет в письмах и записках // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 432.

⁵⁰ С.М. Соловьев как преподаватель // В.О. Ключевский. Сочинения. В 9-тт. Т. VII. С. 322—324.

ниях со студентами Соловьев был одним из немногих профессоров, кто держался с ними безусловно вежливо, но отстраненно, дома у себя никого не принимал и все учебные вопросы предпочитал решать в стенах университета. Но это объяснялось не надменностью характера или пренебрежением к молодежи — таких качеств у Соловьева не было; исключительная занятость в университете (профессор, декан, ректор), на публичных лекциях и ежедневный труд над “Историей России” не оставляли ему времени на дружеское общение с молодежью. Да и по своей натуре Соловьев был достаточно замкнутым и сдержанным в проявлении чувств человеком.

Говоря о профессорах-историках, нельзя обойти вниманием личность ученика Соловьева — В.О. Ключевского — этого “талантливого до гениальности лектора-чародея”⁵¹, “самородка русской науки”⁵². Он бесспорно принадлежал к числу самых ярких творческих людей России второй половины XIX в. В нем удивительным образом сочетались “сила научной мысли с художественной изобразительностью изложения и с артистическим искусством произнесения...”⁵³.

Лекторский талант Ключевского в считанные минуты пленял слушателей, ярко рисуя перед ними события и образы минувших эпох. Впечатление от лекций усиливалось еще и от того, что внешность невысокого, сухощавого, чуть сутулившегося человека, говорящего тихим, заикающимся голосом, резко контрастировала с эмоциональной наполненностью содержания его лекций. А.А. Кизеветтер, уже в преклонном возрасте, отчетливо помнил атмосферу и те чувства и эмоции, которые возникали на лекциях Ключевского: “...каждую среду и субботу большая аудитория набивалась битком, свыше всякой меры. Обливаясь потом и нажимая друг на друга, студенты терпеливо выстаивали до звонка; так велико было желание не пропустить лекции Ключевского... С величайшим трудом протискиваясь сквозь густую толпу студентов, к кафедре стал приближаться как-то бочком, словно крадучись и за что-то цепляясь, невысокий брюнет с небольшой острой бородкой клинышком... На миг на нас взглянули через очки прекрасные черные глаза... Через несколько секунд зазвучал тихий, вкрадчиво-мягкий голос, с чрезвычайно характерными, несколько певучими переливами, благодаря которым почти каждое слово подавалось со своей особой интонацией, словно изваянное, осязательно-выпуклое”⁵⁴. Ключевский обладал уникальной способностью к перевоплощению: как

⁵¹ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 47.

⁵² Богословский М.М. В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 27.

⁵³ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 47.

⁵⁴ Там же.

талантливый актер вживается в создаваемый им образ, так и Ключевский жил в той эпохе, о которой рассказывал своим слушателям.

Неудивительно поэтому, что его окружали поклонники — студенты, коллеги, деятели литературы и искусства, которым он помогал в создании исторических образов, слушатели публичных лекций. Своей жизнью подтверждая им самим сказанные слова о том, что “...преподавателям слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а чтобы будить чужую”⁵⁵, Ключевский сумел создать сильную научную школу, воспитать много талантливых ученых. Авторитет Ключевского как профессора был высок не только среди студентов, но и среди коллег-историков, его заслуги признавали даже те, кто расходился с ним по общественно-политическим вопросам. Яркий тому пример — слова профессора М.К. Любавского, ректора университета, человека довольно консервативных убеждений. “Можно сказать, — пишет без тени зависти Любавский, — что Василий Осипович опустошал другие аудитории и читать с ним в один час становилось почти невыносимо”⁵⁶.

На филологическом отделении факультета в разные годы работали не менее талантливые преподаватели. Например, с огромным интересом посещали студенты лекции крупнейшего языковеда Ф.Е. Корша. В отличие от большинства своих коллег, он не готовился специально к каждой лекции и читал их всегда без конспекта, на память. Однако лекции от этого нисколько не страдали: логически стройные, они сочетали в себе богатство содержания и экспромтные остроумные критические замечания. На лекциях он демонстрировал широчайшую эрудицию, блестящую память (все цитаты приводились наизусть), и “ярко сверкающую творческую мысль”⁵⁷. Внешне малопривлекательный, он имел скорее отталкивающую наружность, но на аудиторию он действовал магически: богатство ума и душевная щедрость привлекали к нему людей⁵⁸. Ученик Федора Евгеньевича, профессор А.А. Грушка характеризовал своего учителя как “явление чрезвычайное”. Действительно, личность этого профессора являет собой уникальный случай в отечественной, а, быть может, и мировой филологии — он знал около 40 языков и наречий⁵⁹.

⁵⁵ Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 41.

⁵⁶ Любавский М.К. В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. С. 14.

⁵⁷ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 63.

⁵⁸ Более того, несмотря на абсолютно не импозантную внешность, Корша всегда окружала масса поклонниц, и в его жизни произошло несколько ярких любовных историй с первыми красавицами Москвы.

⁵⁹ Грушка А.А. Ф.Е. Корш. М., 1916. С. 60.

Коллективный портрет профессоров-филологов будет неполным без характеристики Н.И. Стороженко — основателя кафедры истории всеобщей литературы, выдающегося шекспиолога, ученого поистине с мировым именем. Талантливый ученый и искусный преподаватель, чуждый самообожания, "...с мягкими добродушно-лукавыми глазами, необыкновенно живой и подвижной, с неистощимым запасом юмора"⁶⁰, он был искренне любим коллегами и учениками, отношения с которыми были самыми простыми, естественными и сердечными. Он был глубоко убежден в том, что ученый обязан делиться не только со студентами, но и с широкой публикой результатами своих исследований. Этим объясняется его широкая просветительская деятельность, не прерывавшаяся даже во время отпуска: в своем родовом имении он построил школу для детей крестьян, где с удовольствием летом вел занятия.

Повседневная жизнь

Повседневную жизнь профессоров достаточно сложно отделить от научной и педагогической работы, которые составляли основное ценностно-смысловое содержание их жизни. Структура повседневности московской профессуры представляла собой те "ритуалы", которые были непосредственно связаны с профессиональной деятельностью: многочасовая работа над лекциями, статьями, чтение книг и журналов, участие в заседаниях научных обществ, руководство работой студентов, собственная исследовательская деятельность. Вместе с тем совершенно очевидно, что жизнь большинства профессоров не ограничивалась студенческой аудиторией или кабинетом, она была насыщена самыми разными событиями и переживаниями. Профессора были обычными людьми, со своими слабостями, привычками и пристрастиями, чувствами и эмоциями, радостями и бедами; они ели и пили, женились и воспитывали детей, отдыхали, решали вполне житейские вопросы, наконец, умирали. В то же время их повседневную жизнь нельзя сводить к простому бытописанию, она была гораздо шире и включала в себя широкий спектр взаимосвязей и отношений, чувств и эмоций, поступков и оценок происходящего.

Из внешних факторов обыденной жизни определяющее значение имел уровень материальной обеспеченности профессуры. Несмотря на то, что профессура принадлежала к наиболее обеспеченной части российского общества, далеко не все профессора жили в достатке. Главная причина заключалась в том, что профессорские оклады не повышались со времени

⁶⁰ Розанов М. Н.И. Стороженко. М., 1907. С. 4.

принятия устава 1864 г. и к концу XIX столетия явно не соответствовали уровню цен и потому не всегда удовлетворяли даже самые насущные потребности. Помимо средств на содержание семьи, большую статью расходов составляла покупка необходимой литературы, коллекций и оборудования для лабораторий, а также заграничные поездки, которые требовали немалых личных вложений.

Ограниченность в средствах, а иногда и настоящее безденежье вынуждали профессоров вести очень скромную жизнь, отказывать себе во многом и буквально считать каждую копейку. Например, в записных книжках М.С. Корелина содержится погодная запись статей доходов и расходов, из которой видно, что для того чтобы обеспечить достойную жизнь своей семье, он вынужден был одновременно с работой в университете преподавать в двух гимназиях, активно заниматься публицистическим трудом, давать частные уроки (в том числе и во время летнего отдыха), а также принимать участие в ряде финансовых операций Московского земельного банка⁶¹. К числу материально благополучных относилось меньшинство профессоров, главным образом это были выходцы из семей крупнопоместного дворянства. Основная же масса жила профессорским жалованьем и гонорарами от публицистической деятельности.

Условия жизни и материальное положение оказывали огромное влияние на состояние здоровья профессоров. Далеко не все они отличались крепким здоровьем, а многие — П.Н. Лебедев, А.И. Кирпичников, Н.Я. Грот, А.П. Лебедев, М.С. Корелин, П.Н. Кудрявцев, Д.Н. Анучин и др. всю жизнь страдали серьезными заболеваниями. Большое физическое и эмоциональное напряжение, связанное с интеллектуальным трудом, давление внешних обстоятельств неблагоприятно отражались на здоровье. Так, например, П.Н. Лебедев мучился острейшими приступами сердечной недостаточности и иногда на многие недели оказывался буквально прикованным к постели. Для активного и энергичного ученого были мучительны периоды такого вынужденного безделья: "...Моя сердечная болезнь так обострилась, что малейшее усилие, даже хождение по комнате бывает для меня абсолютно невозможным", — писал он своему учителю немецкому физику-экспериментатору Ф. Кольраушу. — Кроме того, мне становится еще труднее воздерживаться от моих научных работ, уходит интерес и цель моего существования: моим чудесным планам... суждено обратиться в прах"⁶². Однако несмотря на свое тяжелое заболевание, Петр Николаевич был очень сильным человеком и, как мог, противостоял болезни и старался много времени отдавать спорту.

⁶¹ Корелин М.С. Записки за 1889—1892 и 1893—1896 гг. ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. № 1. (Бюджет по годам вынесен в конце тетради на отдельные страницы).

⁶² Научная переписка П.Н. Лебедева. М., 1990. С. 175.

Поддерживать здоровье профессорам помогало строгое соблюдение порядка дня, выработанного в молодые годы, которому они следовали на протяжении многих лет. Профессора вставали рано, в пять-шесть часов. Утренние часы до начала занятий посвящались кабинетной работе. После лекций профессора трудились в лабораториях, архивах, музеях, вели индивидуальные занятия со студентами. Примерно в пять-шесть часов вечера профессора обедали, после следовал небольшой отдых, состоявший, как правило, в чтении литературы и просмотре периодической печати, а затем до десяти-одиннадцати вечера снова кабинетные занятия, встречи с друзьями или посещение театров, выставок, концертов. Кроме того, некоторые из них имели устоявшиеся привычки, которые позволяли сохранять высокую работоспособность. Так, например, Н.В. Склифософский ежедневно в любую погоду ездил купаться. Он купался круглый год, даже зимой, когда специально для него делали прорубь. Приезжая рано утром, он интенсивно плавал, а зимой трижды окунался в прорубь, растирался махровой простыней и ехал на занятия⁶³. Ежедневные двухчасовые прогулки по совету врача совершали от дома до университета И.В. Цветаев и Ф.И. Буслаев. Ф.И. Иноземцеву помогали находиться в “рабочей форме” ежедневный утренний прием пациентов и врачебная практика в городских больницах после университетских лекций⁶⁴.

Важный пласт “мирской” повседневности с точки зрения эмоционально-психологической характеристики составляют вопросы, связанные с изучением наиболее типичных форм досуга. Интересы профессуры выходили далеко за рамки научных и околонучных тем, московские профессора умели и любили отдыхать. Часы досуга были насыщены и интересны с удовольствием посвящались чтению, прогулкам, музицированию, посещению выставочных и концертных залов, театров; у некоторых профессоров были и более редкие увлечения, например, фотография (М.И. Коновалов) или садоводство (Н.В. Склифософский).

Несомненно, ведущим интересом был интерес к литературе, воспитанный с детства. Чтение было неотъемлемой формой повседневной жизни профессоров, а сфера литературных интересов была чрезвычайно разнообразна: от античной поэзии и философии, сочинений по географии и искусству до современной отечественной и зарубежной прозы и публицистики. Не чужды были профессора и высокой поэзии, некоторые обладали поэтическим чувством и сами писали стихи (А.И. Чупров, А.И. Кирпичников, А.А. Остроумов, Ф.А. Бредихин, Н.В. Склифософский).

К чтению профессора относились серьезно, воспринимали его как глубокую внутреннюю работу, поэтому особенно ценили классическую

⁶³ Склифософский Н.В. Воспоминания // Врач. 1882. № 10. С. 167.

⁶⁴ Губерти Н.Н. Воспоминания о И.Ф. Иноземцеве // Русский архив. 1898. № 2. С. 234.

литературу, лучшие образцы которой содержали в себе те нравственные ценности, которыми профессора руководствовались в жизни. “Если во мне что-нибудь и есть, — писал в воспоминаниях Ф.И. Буслаев, — то всем этим я обязан всем великим гениям, произведениями которых я если не вдохновлялся, то, по крайней мере, приходил в возвышавшее меня нравственное созерцание”⁶⁵.

Следующим в иерархии интересов московской профессуры стояло увлечение искусством и художественным творчеством — музыкой, театром, живописью. Многих профессоров, особенно в дворянских семьях, родители обучали игре на музыкальных инструментах. Эта любовь сохранялась, как правило, на всю жизнь. Профессора регулярно ходили на концерты, с удовольствием музицировали дома. Так, например, Ф.Е. Корш, М.М. Ковалевский, А.Г. Столетов хорошо играли на фортепьяно, Ф.И. Иноземцев и Ф.И. Буслаев иногда брали в руки гитару, М.И. Коновалов имел приятный баритон и радовал домашних душевным пением. Глубокими знатоками и ценителями классической музыки были профессор математики А.Ю. Давидов, великолепно разбиравшийся в творчестве Бетховена и Моцарта, и Н.В. Склифософский, любимыми композиторами которого были М.П. Мусоргский и П.И. Чайковский. Кроме того, Н.В. Склифософский лично очень хорошо знал П.И. Чайковского и А.П. Бородина.

Музыка была для профессоров прекрасным видом отдыха, ее благотворное влияние отмечали многие. В гармонии звуков видел огромный источник жизненных сил А.И. Чупров: “...Слушал Бетховена. Наслаждение получил огромное... Музыка уносит душу в какую-то таинственную даль, где живет все, на что надеется человек”⁶⁶. Похожие эмоциональные переживания вызывала музыка в душе Ф.Е. Орлова: “Играл оркестр Дитриха... и я наслаждался прекрасной музыкой. Как широко дышит грудь, как рвется душа, увлекаемая гармонией звуков... Звуки льются, в воображении встают милые образы, улыбается счастье”⁶⁷.

Кроме концертов московские профессора с большим удовольствием смотрели театральные постановки, среди них встречались настоящие знатоки драматургии и страстные театралы (Н.Е. Жуковский, В.О. Ковалевский, М.С. Корелин, А.И. Чупров, Н.С. Тихонравов). Огромной популярностью среди самых широких кругов обществуности Москвы пользовался Малый театр. Его постановки всегда вызывали повышенный интерес публики, они имели огромное нравственное и воспитательное значение. По словам историка А.А. Кизеветтера, который был большим поклонни-

⁶⁵ Буслаев Ф.И. Указ. соч. С. 272.

⁶⁶ Чупров А.И. Дневники и записные книжки. 1886—1895. ЦИАМ. Ф. 2244. Оп 1. № 450. Л. 25.

⁶⁷ Орлов Ф.Е. Дневник заграничной командировки (1869—1872). М., 1898. С. 47.

ком театра и лично знал многих выдающихся мастеров сцены, постановки Малого театра “бросали спасательный круг... москвичу, порою готовому захлебнуться в стоячих водах безвременья”⁶⁸. Некоторые из профессоров не только регулярно посещали театральные премьеры, но и принимали активное участие в эстетических спорах того времени.

Среди прочих художественных интересов отчетливо прослеживается увлечение профессоров классическим искусством. Серьезное знакомство с историей искусства начиналось, как правило, во время путешествий по Европе. Сокровища Рима и Неаполя, Лувра и Дрезденской галереи производили огромное впечатление на молодых людей, до этого знакомых с творениями великих мастеров только по книгам. Эти впечатления были настолько ярко эмоционально окрашены, что даже спустя многие годы профессора помнили о них в мельчайших подробностях. Как о “минутах полного уединения” (Б.Н. Чичерин) говорили профессора о знакомстве с художественными памятниками прошлого.

Особенно сильные эмоции у всех без исключения побывавших в нем вызывал “вечный город” – Рим. Так, например, тот же Б.Н. Чичерин писал: “...Полтора года, проведенные в Риме, были для меня событием в жизни. Я чувствовал себя как бы вырванным из земли и перенесенным в очарованный мир. Это было непрерывающееся восторженное состояние. Душа надолго насытилась возвышенными впечатлениями. Тут я вполне понял высокий мир искусства и с тех пор сделался навсегда его поклонником и любителем”⁶⁹.

Аналогичные чувства и эмоции вызывал “вечный город” у Ф.И. Буслаева, который считал Рим “родиной своего нравственного существования”. Вот что он записал в своем дневнике: “Рим. 16 мая 1840. Есть на земле счастье! Возвышеннее и блаженнее того, какое я вкушал сегодня, не могу себе и представить! Я опять в Риме... Город городов, столица столиц, город, освященный и историей, и искусством, и судьбою, и религией!.. Две майские недели, проведенные в Риме, слились для меня в один торжественный праздник”⁷⁰.

Впечатления и увлечения молодости не ослабевали с годами, и в зрелом возрасте профессора по-прежнему с интересом посещали выставки, а чтение литературы по искусству составляло любимый вид отдыха. У некоторых эта страсть оказывалась настолько сильной, что становилась “второй профессией”. К числу таких профессоров относятся Ф.И. Бусла-

⁶⁸ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 167.

⁶⁹ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Записки прошлого. Путешествие за границу. М., 1932. Т. 3. С. 73, 76.

⁷⁰ Буслаев Ф.И. Указ. соч. С. 236–237.

ев, С.А. Усов, И.Ф. Огнев. И если специальность Буслаева – классическая филология – была в какой-то мере близка его художественным пристрастиям, то профессиональные интересы двух других лежали в далекой от искусства плоскости: И.Ф. Огнев был гистологом, а С.А. Усов – зоологом. При этом оба профессора были крупнейшими знатоками истории искусства, а С.А. Усов даже преподавал этот курс в гимназии.

Эстетическое восприятие действительности не ограничивалось рамками художественного творчества; оно простиралось на “главного творца всего прекрасного” – природу. В некоторых источниках самые эмоциональные и поэтические строки посвящены описанию природы. Важность этого сюжета состоит в том, что в отношении внутреннего мира личности профессоров природа выступала неким естественным камертоном, высвечивая скрытые от внешнего взора душевные переживания.

Профессора любили и тонко чувствовали природу, она помогала им и в научном творчестве, и в восполнении душевных сил. В источниках можно встретить удивительные по красоте и изяществу стилия описания природы, которые ничем не уступают творениям великих мастеров слова. А.И. Чупров писал в дневнике: “Отправились (с женой) к красавице Оке... По дороге любовались прекрасными видами по сторонам... Все это создает картину какого-то мирного, ласкающего благополучия и переносит в лучшие времена давнопрошедшей юности и даже не реальной прошлой юности, а какой-то идеальной, о которой только мечтаешь... Нельзя передать словами то блаженное состояние, в которое погружается душа при виде здешних благодатных мест”⁷¹. Общение с природой затрагивало самые потаенные уголки души и было настолько глубоко интимно, что воспринималось некоторыми профессорами как священное действо, в котором не должно быть посторонних. По этому поводу очень изящно и тонко написал Б.Н. Чичерин: “Природу, как женщину, надо видеть наедине, чтобы вполне ее понять, и чтобы впечатление от нее проникло в самую глубину души”⁷².

Круг общения профессоров Москвы был достаточно широк и во многом определялся их активной профессиональной и общественной деятельностью. В их повседневной жизни большую роль играли встречи интеллектуальной и творческой элиты в салонах известных людей. Можно сказать, что это была не только наиболее популярная форма общения и коллективного отдыха московской профессуры, но и определенная форма социокультурной практики, которая наглядно отражала характерную для рубежа столетий тенденцию к духовному единению разных слоев российского общества. Каждый, кто приходил на такие встречи, находил себе подходящий

⁷¹ Чупров А.И. Указ. соч. Л. 13.

⁷² Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 91.

круг общения. На этих собраниях читались исторические, философские и литературные произведения, дебатировалось и разрешалось множество отвлеченных и жизненных вопросов, зарождались новые общественные и культурные начинания.

Огромной известностью среди творческой и интеллектуальной элиты Москвы пользовался также кружок известного адвоката и общественного деятеля В.И. Танеева. В нем встречались крупнейшие ученые, известные артисты и писатели. Этот кружок собирался один раз в месяц в ресторане “Эрмитаж” на обедах, которые назывались “академические”, где обсуждались не только исторические и философские вопросы, но и вопросы текущей политики.

Дружеские вечера проходили и в домах самих ученых. Популярными центрами встреч профессорской интеллигенции в 1870-х—1880-х гг. были дома И.И. Янжула, А.И. Чупрова, С.А. Муромцева, Н.И. Стороженко, В.И. Герье и П.Г. Виноградова, куда часто приглашались студенты. Такой вид неформального общения способствовал не только душевному общению, но и направленному развитию науки, привлечению новых сил в научное сообщество. Эти встречи и приносили радость общения с друзьями, и способствовали распространению новых идей и усвоению молодыми учеными этических идеалов, характерных для профессорской культуры.

В то же время не менее значимым для профессоров было более тесное общение в кругу самых близких друзей и родных, которым поверялись самые сокровенные мысли и переживания. Поддержка и внимание друзей ценились в профессорской среде чрезвычайно высоко. Искреннее желание помочь человеку, попавшему в затруднительное положение, ободрить, поддержать не только словом, но и делом, было широко распространено среди профессоров. “Излюбленный человек всей Москвы” — так отзывались об одном из самых популярных профессоров Москвы — А.И. Чупрове. Многочисленные воспоминания современников свидетельствуют о нем как о человеке редкой личной доброты и щедрости. Обратиться к нему за помощью мог не только близкий друг, но и совершенно незнакомый человек, и он мог быть уверен в том, что не встретит отказа. А.А. Кизеветтер, вспоминая об одном из своих первых визитов к А.И. Чупрову, “был поражен видом той комнаты, в которой ожидали своей очереди люди... В первую минуту можно было подумать, что вы попали не в приемную ученого-профессора, а в приемную какого-нибудь знаменитого доктора, имеющего обширную практику в самых разных слоях населения... И всем он давал ободряющие советы и указания”⁷³.

⁷³ Там же. С. 171.

Система мировоззрения

Важнейший пласт повседневности составляют так называемые *экзистенциальные* или *жизненные* вопросы: о Боге, жизни и смерти, добре и зле, счастье и любви, судьбе и памяти, об осмыслении человеком себя во временной и исторической перспективе. Обращение к этой проблематике чрезвычайно важно для понимания общей картины мира, существующей в сознании людей конкретного общества в конкретный период времени. Не менее значимо рассмотрение этих вопросов для изучения структуры ценностных ориентаций и основ индивидуального развития, поскольку формирование личности любого человека и уровень самосознания напрямую связаны со способностью видеть и выделять проблемы “смысла жизни”, “вечные ценности”, соотносить свою жизнь с бытием во всем его многообразии и бесконечности. Особенно это свойственно людям интеллектуальных и творческих профессий, занятым в конкретных исторических условиях выработкой новой системы ценностей. Эта деятельность невозможна без самоопределения по отношению к мировоззренческим основам культуры и всегда сопряжена с непрерывным трудом души, подвижничеством и высокой личной порядочностью. Можно с определенностью говорить о том, что философско-мировоззренческие вопросы сущностно определяют всю иерархию жизненных ценностей и осознание их человеком позволяет выйти на новый уровень внутренней свободы, стать независимым от давления обстоятельств и сиюминутных проблем.

Среди нравственно-этических доминант, определяющих отношение человека к миру, одним из важнейших является *религиозное чувство*. Вести речь о религиозности профессоров следует преимущественно в социально-этическом контексте. Их отношение к религии вообще и к православию в частности было неоднозначным. С одной стороны, религиозность рассматривалась как внутренняя потребность в духовно-нравственном стержне, как имманентно присущее человеку ощущение веры в некую онтологическую идею (при этом вопрос персонификации этой идеи не имеет принципиального значения). С другой стороны, подход профессоров к вопросам религии во многом был продиктован их профессиональной деятельностью — интеллектуальным трудом, выработанной привычкой ко всему подходить с позиций глубокого рационального осмысления.

Московской профессуре в массе своей была присуща внутренняя религиозность при выраженном равнодушии к формально-обрядовой стороне. В.И. Вернадский, который в религии видел прежде всего универсальное этическое начало, писал: “...Для меня не нужна церковь и не нуж-

на молитва. Мне не нужны слова и образы, которые отвечают моему религиозному чувству”⁷⁴. И далее: “...Религиозное чувство и есть сумма нравственных стремлений, которые могут облекаться в те или иные формы — но самые формы имеют очень малое значение”⁷⁵. Как для ученого, для него принципиально важным мог бы стать выбор между наукой и верой, вечный еще со времен св. Августина и Фомы Аквинского вопрос о соотношении веры и разума. Но ученый всегда сохранял твердую убежденность в том, что наука и религия не исключают, а дополняют друг друга.

Большое внимание в русской культурной среде второй половины XIX в. уделялось поискам социально-преобразовательной силы православия, основанной не на непогрешимости учений святых отцов, а на общечеловеческих принципах социальной справедливости и гуманизма. Профессорская интеллигенция, в силу острой заинтересованности в формировании новой культурной парадигмы, дальнейшем раскрепощении личности, не могла оставаться в стороне от этих дискуссий.

Об “обрядословии”, заменившем подлинное богословие, писал В.О. Ключевский: “Великая истина Христа разменялась на обрядовые мелочи или на художественные пустяки. На народ Церковь действовала искусством обрядов, правилами, пленяла воображение и чувство или связывала волю, но не давала пищи уму, не будила мысли”⁷⁶. Причина этого, на его взгляд, коренится в действиях русского духовенства, которое всегда учило паству “не познавать и любить Бога, а только бояться чертей, которых оно же и расплодило со своими попадьями”⁷⁷. Подлинная вера была заменена обрядом — “религиозным пеплом”, “нагаром”, который образовался в результате охлаждения религиозного чувства. Все это постепенно привело к тому, что чувство подлинной религиозности было утрачено, а сама религия стала для большинства людей “не потребностью духа, а воспоминанием или привычкой молодости”⁷⁸.

Признавал ряд нарушений в современном православии и С.М. Соловьев. Выходец из духовного звания, он знал жизнь этого сословия, что называется, изнутри, и с детских лет питал к нему неприязнь. Признавая серьезные нарушения в организации церковной жизни, Соловьев вместе с тем далек от скептицизма Ключевского в отношении православия, которое он считал неотъемлемой частью русской народной жизни и русской государственности и сам всю жизнь был верен его основным заповедям.

⁷⁴ Вернадский В.И. Письма... Т. 1. С. 132.

⁷⁵ Вернадский В.И. Страницы автобиографии. М., 2001. С.1 55.

⁷⁶ Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 75.

⁷⁷ Там же. С. 78.

⁷⁸ Там же. С. 24.

В неразрывном единстве с религиозными воззрениями профессоров находится вопрос об их *отношении к смерти*. Как люди в большинстве своем верующие, они не могли не задумываться над этим вопросом. Нужно подчеркнуть, что все религии и религиозно-философские учения определяют смерть как один из важнейших моментов человеческого бытия, поскольку в нем, как в зеркале, отражается вся прожитая жизнь. Смерть — это не только завершающий этап физиологического существования живого организма, это также один из коренных параметров коллективного сознания⁷⁹. В силу того, что последнее не остается в ходе истории неподвижным, эти изменения не могут не отразиться и на сдвигах в отношении человека к смерти. Интерес в изучении этого вопроса прежде всего гуманитарными науками определяется тем, что анализ установок к смерти людей различных эпох позволяет выявить их фундаментальные установки по отношению к жизни и основным ее ценностям. В своей смерти или в размышлениях о ней человек открывает собственную индивидуальность, осознает собственную идентичность, личную историю.

Профессора воспринимали собственный уход из жизни с глубоким философским осмыслением. “Самым умным в жизни”, “великим математиком” считал смерть В.О. Ключевский, ибо только она, на его взгляд, “исправляет все ошибки и глупости жизни, безошибочно решает все задачи”⁸⁰. Страха смерти профессора не испытывали, встречали ее “с полным осознанием и спокойствием духа”⁸¹. Это спокойствие объясняется, на наш взгляд, принципиально иным уровнем восприятия действительности, более широкой включенностью сознания в осмысление сущности бытия, выход за рамки многих земных желаний и страстей. Смысл человеческой жизни заключается не только в удовлетворении своих потребностей в материальном благополучии, любви, радости труда и творчества, но главное — в осознании себя как части огромного пространства и его познания через актуализацию собственного духовного начала. Поэтому смерть многими профессорами воспринималась как итог выполненной жизненной задачи.

Вот как описывает кончину своего учителя — Н.С. Тихонравова его ученик профессор А.Н. Веселовский: “Среди работы и деловых занятий он все чаще заговаривал о смерти и делал это совсем спокойно, точно речь шла о самом естественном деле, об отдыхе после долгого пути. И, когда настал этот отдых, *блаженное состояние спокойствия* светилось на его ли-

⁷⁹ Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. Человек в истории. М., 1989. С. 114.

⁸⁰ Ключевский В.О. Афоризмы... С. 9,14.

⁸¹ Памяти Е.В. Амфитеатрова. М., 1888. С. 28.

це. Оно *похорошело*, это лицо (*выд. мной, Н.Н.*)... Вот он, предел всем страстям и слабостям человека, и всему великому и доброму.. Могучая трудовая сила скошена. Без усталости, день-денской работал человек, притомился и дремлет непробудно”⁸². Отсутствие страха смерти было продиктовано также и осознанием правильности (или на языке религии “праведности”) своей жизни и выполненного долга.

Размышления о смерти, о скоротечности человеческого существования, стремление максимально выполнить поставленные задачи, а также развитое чувство ответственности перед современниками и потомками, способствовали развитию привычки к глубокому *самоанализу*, критическому отношению к собственной личности и результатам своего труда. Представление о человеческой личности вообще и собственной в частности является одним из определяющих моментов в характеристике профессоров. Уровень самокритики многих из них был необычайно высок, наедине с собой они были искренни и честно могли признаться во многих своих слабостях и недостатках, каким бы нелicenseприятным и временами жестоким ни было это признание. Показательны в этом отношении размышления В.О. Ковалевского, высказанные в письмах к брату незадолго до трагической кончины в результате самоубийства в 1883 г. Ученый сознательно готовился к этому шагу, вызванному полным финансовым банкротством, и все его слова адресованы не столько брату, сколько самому себе; это своеобразный “отчет” о прожитой жизни. “...Право, надо же когда-нибудь разобрать себя и понять; к сожалению, это пришло слишком поздно, и старое предписание — «познай самого себя» — уже едва ли может помочь. Я имел это удовольствие — познакомиться с самим собою только в эту зиму; до сих пор я не имел понятия о самом себе... Симптомов поверхностности масса — куда ни взгляни на свою жизнь... Величайший мой враг — это я сам”⁸³.

В дневнике В.О. Ключевского также есть запись, показывающая высшую степень честности ученого перед своим внутренним “Я”: “Встречая новый год с обычной грустью и раздумьем, я следую правилу оглянуться на прошлый и занести то новое, что дал он... Тревогой последнего времени стало то, что... я впервые почувствовал прелесть зла, сознательного, намеренного зла. Оказалось, что есть сила, которой иногда сильнее влиять на людей, нежели чем другим более великодушным. Но мне тяжело это приобретение, не варится во мне это наслаждение Мефистофеля, и я встречаю новый год с желанием, даже молитвой — оскудеть опять этим чувством”⁸⁴.

⁸² Памяти Н.С.Тихонравова. Указ. соч. С. 18.

⁸³ Ковалевский В.О. Указ. соч. С. 419—422.

⁸⁴ Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи. 1861—1866 // Афоризмы... С. 324.

Позднее В.О. Ключевский неоднократно писал, что в современном ему обществе потребность в общении человека с самим собой была крайне невелика и заслонялась обыденными житейскими делами и проблемами. Это явление он назвал “боязнью нравственного одиночества”, вызванного все возрастающим темпом жизни и урбанизацией, когда “среди шума от езды по каменной мостовой не слышно колокольного звона”⁸⁵. “Люди ищут себя везде, только не в самих себе, — с сожалением писал ученый. — Человеку легче добраться мыслью до отдаленнейшего созвездия, чем до самого себя, и можно опасаться, что он доберется до себя, когда уже не останется ни одного созвездия”⁸⁶. Об этом же писал в своем дневнике Ф.Е. Орлов: “До сих пор, а я уже доживаю до четвертого десятка, не мог я себе вполне уяснить себя самого, определить свои силы, бросить ясный взгляд на прошедшее, составить решительный план будущего. Постоянно погруженный в специальные, часто мелочные размышления, я отвык, или лучше сказать, не привык к общему философскому созерцанию, мало имею времени для изучения жизни, для разрешения самых неотложных вопросов в области человеческих убеждений и воззрений... Иногда я прихожу в ужас от мысли, неужели всю жизнь я останусь незрелым, хотя и прилежным *учеником* (выделено автором)”⁸⁷.

Эти тревожные симптомы времени были вызваны общим кризисом культуры и закономерно связанным с ним кризисом личности, а точнее — кризисом традиционных, устойчивых представлений о роли личности в истории и культуре. Глубинным трансформациям общественных структур, как правило, сопутствует социальная нестабильность, которая в свою очередь ведет к возникновению кризиса идентичности личности. Его можно определить как особую ситуацию массового сознания (и, естественно, сознания отдельного индивида), когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определял себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свою ценность. Поэтому размышления представителей интеллектуальной и творческой интеллигенции о самоопределении личности в меняющейся социокультурной ситуации, о необходимости внутреннего диалога были не очередным модным поветрием в среде российской элиты, а острой потребностью времени.

⁸⁵ Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи. 1861—1866 // Афоризмы... С. 39.

⁸⁶ Там же. С. 53.

⁸⁷ Орлов Ф.Е. Указ. соч. С. 81.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список московских профессоров, материалы о которых использованы в работе.

Естественнонаучное направление

Математика, механика, астрономия

Бредихин Ф.А., Бугаев Н.В., Гавриленко А.П., Давидов А.Ю., Делла-Вос В.К., Ершов А.С., Зернов Н.Е., Орлов Ф.Е.

Физика

Жуковский Н.Е., Лебедев П.Н., Любимов Н.А., Столетов А.Г., Умов Н.А.

Химия

Каблуков И.А., Коновалов М.И., Лугинин В.Ф., Марковников В.В.

Биология, антропология, этнография

Анучин Д.Н., Богданов А.П., Кауфман Н.Н., Сеченов И.М., Тимирязев К.А., Тихомиров А.А., Усов С.А.

Геология

Вернадский В.И., Ковалевский В.О., Павлов А.С., Шуровский Г.Е.

Медицина

Бабухин А.И., Борзенков А.Я., Захарьин Г.А., Иноземцев Ф.И., Огнев И.Ф., Остроумов А.А., Склифосовский Н.В., Филатов Н.Ф.

Гуманитарное направление

Языкознание

Бодянский О.М., Буслаев Ф.И., Кирпичников А.И., Снегирев И.М., Фортунатов Ф.Ф., Шварц А.Н.

Сравнительное языкознание и ориенталистика

Корш Ф.Е., Миллер В.Ф., Петров П.Я.

Литературоведение

Стороженко Н.И., Тихонравов Н.С.

История

Амфитеатров Е.В., Виноградов П.Г., Герье В.И., Ешевский С.В., Кизеветтер А.А., Ключевский В.О., Корелин М.С., Кудрявцев П.Н., Лебедев П.Н., Савин А.Н., Соловьев С.М., Цветаев И.В.

Философия

Грот Н.Я.

Экономика, статистика

Каблуков Н.А., Фортунатов А.Ф., Чупров А.И., Янжул И.И.

Юриспруденция

Баршев С.И., Боголепов Н.П., Ковалевский М.М., Крылов Н.И., Муромцев С.А., Чичерин Б.Н.

Препринт WP6/2004/01
Серия WP6
Гуманитарные исследования ИГИТИ

Редактор серии *И.М. Савельева*

Наталья Николаевна Никс

“ВЕЛИК И БЛАГОРОДЕН ТРУД ПРОФЕССОРА”
(Жизнь и деятельность московской профессуры второй
половины XIX — начала XX вв.)

Публикуется в авторской редакции

Зав. редакцией *Е.В. Попова*
Корректор *Е.Е. Андреева*
Технический редактор *С.Д. Зиновьев*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,43. Усл. печ. л. 2,33. Заказ № 16. Изд. № 435

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3